

ОЦЕНКА И СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

АННОТАЦИЯ:

Целью исследования является характеристика регионального неравенства для определения факторов риска в развитии регионов, а также закономерностей изменения этих процессов. Базовой предпосылкой исследования выступает наличие влияния различных чётких объективных оснований для пространственного неравенства, заложенных длительными периодами развития. Изучение данных факторов в рамках новой экономической географии позволит актуализировать направления региональной политики, ориентированные на развитие человеческого капитала, модернизацию институтов и инфраструктуры, внедрение инноваций.

На основе анализа российской промышленности в региональном разрезе выявлены и оценены параметры пространственного неравенства страны. В частности, проанализирована дилемма государственной региональной политики, заключающаяся, с одной стороны, в ускорении развития страны за счёт приоритетного развития регионов с конкурентными преимуществами, а с другой – в необходимости борьбы с ростом регионального неравенства внутри страны.

Статья посвящена изучению зарубежного опыта по управлению экономическим развитием территориально-административных единиц страны. В тексте проведен анализ факторов неравномерности территориального развития, рассмотрено практическое применение модели развития пространства Дж. Фридмана «центр – периферия». Дана оценка современным трендам выравнивания межрегиональных диспропорций.

Научная новизна заключается в обобщении существующих положений, достигнутых научных результатов исследования закономерностей изменения регионального неравенства. В качестве одного из методов смягчения неравенства в РФ предложено использовать возможности формирующихся региональных инновационных систем на основе концепции единой системы региона, включающей как широкое внедрение инноваций, так и вовлечение в этот процесс пространства региона в целом. Статья содержит методический подход к анализу конкурентоспособности региона в инновационной сфере на основе оценки уровня научной и инновационной активности предприятий и организаций РФ. В данном контексте предложены рекомендации по смягчению регионального неравенства, позволяющие учесть специфику российских регионов.

Неравный брак

Факторы, влияющие на региональное неравенство, степень их объективности исследованы с помощью современных методов новой экономической географии. Исследования последних 50 лет [Кругман 1996; Fujita 1996, 1999, 2005, 2010; Krugman 1991, 1995; Richardson 1969; Fiani 1984; Innis 1999; Pred 1966; Holmes 1991, 2002; Fried-

mann 1964, 1966; Gilbert 1982; Wallerstein 1984] определили постоянную неравномерность территориального развития, основанную на конкурентных преимуществах двух типов. Выделяются две группы факторов:

- «первой природы» – не зависящие от общества, которые изменяются только в историческом времени и формируют тренды развития;

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Коновалова Кристина Юрьевна

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (117997, Россия, Москва, Стремянный пер., 36)

✉ kris89.11@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

регионы, модель «центр – периферия», промышленное производство, развитые страны, развивающиеся страны, агломерация, конвергенция, дивергенция, инновационные территориальные кластеры.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Коновалова К.Ю. Оценка и способы преодоления регионального неравенства в новой экономической реальности // Муниципалитет: экономика и управление. 2022. № 4. С. 53–63.

- «второй природы» – зависящие от изменений в обществе, которые формируются развитием территорий и сообществ.

К факторам «первой природы» относят: наличие природных ресурсов, экономическое расстояние и географическое положение относительно других крупных центров и торговых путей [1].

Факторы «второй природы», рассматриваемые как следствие

развития общества и политики государства, предполагают:

- агломерационные эффекты;
- сочетание эффекта масштаба и разнообразия городской среды по бизнесу, трудовым ресурсам;
- человеческий капитал в виде системы образования и социализации, мотивирующей к труду и саморазвитию, ценностная матрица;
- поддержание здоровья населения;
- устройство системы управления и отношений в обществе;
- нормы и правила институциональной теории Дугласа Норта;
- инфраструктуру [2].

Основу новой экономической географии составляют идеи, изложенные во второй половине XX века в работах П. Кругмана, А. Венаблеса, М. Фуджиты [3; 4; 5]. Чем более развита страна, тем большую роль в её развитии играют факторы «второй природы». Наибольшая степень зависимости экономического развития территории от факторов «второй природы» предопределяет наибольшие возможности для развития и модернизации производства данной территории. Модернизационным процессам в меньшей степени способствуют факторы «первой природы» [6].

Меры стимулирования территорий с низким экономическим ростом должны проводиться с учётом модели развития пространства Дж. Фридмана «центр – периферия» (Рис. 1).

Для понимания современного пространственного развития России существенное значение приобретает центр-периферийная теория, наиболее точно описывающая пространственные закономерности и современные тенденции регионального развития

[8]. Согласно данной модели, в пространстве всегда есть «центр» концентрации эффекта возрастающей отдачи отраслевых рынков, стягивающий ресурсы периферий. Благодаря концентрации ресурсов «центры» получают возможности генерировать, имплементировать извне и адаптировать инновации.

Инновированный центр транслирует по иерархической системе пространства инновации, затрагивающие более гибкую полупериферийную зону, выравнивая уровень её развития. При нормальной системе такие инновации распространяются на «полупериферии» – близлежащие территории от «центра», далее и на «периферии». Мировая практика свидетельствует, что при изменениях экономических, политических и любых других условий некоторые «полупериферии» могли становиться новыми «центрами», перехватывая лидерство у старых «центров», но «периферии» «центрами» не становились никогда [9; 10].

Центр-периферийная модель работает как в масштабах всей страны, так и внутри регионального пространства с выделением центрального города, второго центрального города, где формируется основная налогооблагаемая база. Данная модель является устойчивой конструкцией, постоянно воспроизводящейся в России [11]. Территория представлена редкой сетью крупных городов с низкой плотностью населения выше 250 тыс. чел., среднее расстояние между городами со слабо развитой инфраструктурой – 40-50 км в заселенной европейской части страны и 150-300 км – на востоке страны [12].

Жидкий суп и мелкий жемчуг

Значимым фактором изменения регионального неравенства выступает государственная политика и деятельность институтов по стимулированию развития либо выравниванию [13;14].

Одним из способов измерения регионального неравенства выступает индекс Джини, позволяющий определить, насколько выражено отклонение от линейного нарастания признака, и распределение регионов по данному признаку.

Представленная на рисунке 2 динамика индекса Джини для регионального неравенства в России за период 1998-2018 гг. позволяет прийти к выводу, что в периоды экономического роста чаще всего происходит и рост неравенства, а в периоды кризисов – выравнивание, ввиду воздействия различных факторов на самые развитые территории.

Так, представленная динамика указывает на то, что на протяжении 1990-х годов отмечается рост неравенства регионов, вплоть до 2001 года – периода экономического роста. В 2002 году с ростом цены на нефть смягчилось территориальное неравенство по доходам, за исключением территориального неравенства по безработице. Выявленная тенденция свидетельствует, что региональное неравенство в России в течение всех периодов экономического роста увеличивается. Регионы с высокой безработицей снижали её существенно медленнее, чем «более живые» регионы, создающие новые рабочие места, в которых безработица была не столь высокой. В кризис 2014-2017 гг. отмечается вновь медленный рост за счёт увеличения масштабов перераспределения доходов и специфики макроэкономической ситуации.

Таким образом, авторитарные и сверхцентрализованные системы управления всегда при прочих равных условиях приводят

Рис. 1. Модель развития пространства «центр – периферия» (по Дж. Фридману) [7].

к сверхконцентрации ресурсов столицы. Поэтому двухшаговая децентрализация «центр – регионы», «регионы – муниципалитеты» справедлива и логична.

С учётом того, что кроме Москвы и Санкт-Петербурга все крупные города являются муниципалитетами, необходимо расширение полномочий крупных городов, в результате чего в последующем, в ходе постепенных трансформаций, сформируются механизмы самоуправления. Конкурентное преимущество крупных российских городов недоиспользовано, и децентрализация выступает обособленным шагом на этом пути [17].

Следует отметить факторы и закономерности изменения неравенства с учётом его зависимости от стадий экономического цикла. Рассмотрим условия и цикличность динамики регионального неравенства.

Рисунок 3

Проклятье неравенства

Значения анализируемых экономических индикаторов России (ВВП, инвестиции, объёмы производства обрабатывающей промышленности и промышленности в целом, розничной торговли и размеры денежных доходов) за период с 2014 по 2022 годы свидетельствуют, что выход экономики России из кризиса 2015 года не закончился в 2019 году, и это накладывает свою специфику на текущий кризис. Не восстановились объёмы инвестиций, доходы населения и объёмы потребления. Выход из спада периода пандемии 2020 года начался во втором квартале 2021 года и развивался быстро до конца 2021 года. Инфляция привела к спаду фактических доходов населения в 1 квартале 2022 года. В данной устойчивой отрицательной динамике доходов населения очень большая разница между Москвой, Санкт-Петербургом, где за 1 квартал 2022 года доходы на-

Необходимо расширить полномочия крупных городов, это сформирует механизмы самоуправления

селения, напротив, выросли на 8,5%, и Приволжским, Уральским, Сибирским и Дальневосточным федеральными округами, где рост доходов населения после спада периода пандемии 2020 года составляет менее 1% [16].

По факту эти регионы не компенсировали падение доходов населения периода пандемии, как и до этого не компенсировалось падение национального показателя доходов населения 2015 года [16]. В конце 2017 года незначительный рост индикаторов экономики России связан не с восстановлением доходов населения, а с увеличением доли взятых кредитов для поддержания привычного уровня потребления. Таким образом, восстановилась до нулевых параметров только промышленность.

Анализ российской промышленности в региональном разрезе на 2022 год позволяет сделать ряд выводов.

Так, доля тех или иных самых больших регионов (59%) в объёме промышленного производства РФ представлена 16 круп-

нейшими многопрофильными индустриальными регионами РФ, в основном со специализацией в ТЭК и металлургии. На долю данных регионов приходится $\frac{2}{3}$ всего российского промышленного производства (Табл. 1).

Для г. Москвы (12%) характерен агломерационный эффект благодаря ОКВЭД-2 и огромной роли производственной городской инфраструктуры, включающей тепло-, водо-, газо-, энергоснабжение, обособленные подразделения «Роснефти» с широким выбором контрагентов, рабочих мест, которые в совокупности работают на опережающий экономический рост в пределах агломерации. Сверхконцентрация экономики в Московской агломерации выражается в преобладании доли г. Москвы относительно её численности населения по всем основным экономическим показателям.

Выделенная группа 16 относительно развитых территорий характеризуется, как правило, двумя компонентами более успешного развития: наличием сырье-

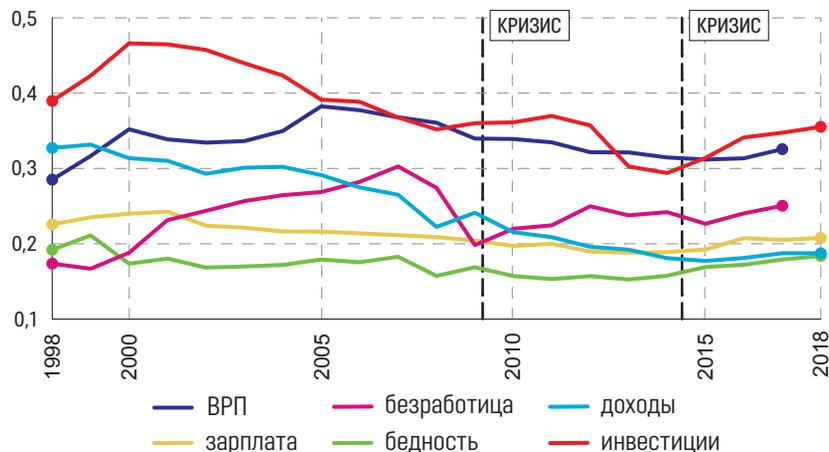

Рис. 2. Индекс Джини для регионального неравенства в России по индикаторам за 1998-2018 гг. [15; 16].

вой и полуфабрикатной экспортной отрасли экономики (металлургия, нефтехимия, добыча нефти и газа), а также наличием города-миллионника с относительно высоким уровнем развития сферы услуг. Наличие указанных двух компонентов позволяет территории региона развиваться относительно лучше по показателям ВРП на душу населения, близким или чуть выше среднего показателя по России.

Специфика пространственного развития страны заключается в наибольшей «серединой» группе регионов, где проживает около 60% населения, в которых конкурентные преимущества неявные, а для их реализации необходимы эффективные институциональные условия [15; 16].

Отсутствие эффективных институциональных норм и правил, способствующих развитию территорий, приводит к замедлению экономического роста и стабилизации средних значений экономических показателей.

Анализируя распределение населения РФ в экономическом пространстве в период 2022 года, можно выделить около 1/3 регионов, показатели которых составляют 60-80% от среднего по РФ при среднем значении – 100% (Рис. 4).

Диаграмма рисунка позволила спроецировать особенности пространственного развития стра-

ны на распределение населения России, проживающего в группах регионов, и свидетельствует о том, что в российской группе «лидеров» проживает каждый девятый россиянин, что составляет 11% населения страны. В относительно экономически развитых регионах (с экономическим ростом в перспективе) – ещё 18% [16]. До тех пор, пока не будут открыты конкурентные преимущества многочисленных «серединых» регионов (% населения), именно данная группа регионов будет замедлять российскую модернизацию при небольшой группе «аутсайдеров» (10%), которые находятся под прессом неразвитых институтов, слабого трансфера финансов и при минимуме развития с системным действием поляризационного эффекта.

Таким образом, складывающееся усиление концентрации экономики на территории с суперконкурентными преимуществами приводит к устойчивой дивергенции пространственного развития и относительно слабой конвергенции развития территорий страны [18; 19; 20].

Свобода. Равенство... Таргетинг

В зарубежной практике экономическое неравенство регионов трансформируется под воздействием, как

Таблица 1 – Доля регионов в объёме промышленного производства Российской Федерации в 2022 г. [15; 16]

Субъект РФ	Доля, %
г. Москва	12
Ханты-Мансийский АО	5
Московская обл.	5
Республика Татарстан	4
Ямало-Ненецкий АО	4
г. Санкт-Петербург	4
Свердловская обл.	4
Краснодарский край	4
Челябинская обл.	3
Республика Башкортостан	2
Кемеровская обл.	2
Самарская обл.	2
Пермский край	2
Нижегородская обл.	2
Ленинградская обл.	2
Иркутская обл.	2
Другие 69 субъектов	41

правило, рыночных факторов. Наиболее важный из них – агломерационный эффект. В экономике им характеризуется эффект концентрации. В методиках территориального планирования развитие городов нередко описывается теорией, называемой «теорией агломерационного эффекта» – то есть, эффекта концентрации и разнообразия. Данную теорию математически представил в модельном виде японский исследователь М. Фуджита, оперируя понятием фирмы [3] (Рис. 5).

Согласно данной модели, чем большее количество фирм в городе, тем выше конкуренция, создающая более разнообразную выгодную продукцию и услуги для потребителей. Выбор потребителей расширяется, таргетируется. При дополнительной выгоде больше потребителей притягивается в город, предъявляя повышенный спрос на продукцию, услуги фирм, создавая тем самым стимул для концентрации фирм и разнообразия их продукции (услуг).

Таким образом, возникает концентрация всех элементов модели, улучшающих качество жизни. Крупнейшие города в целом отличаются наиболее быстрым

Рис. 3. Динамика индикаторов экономики России за 2014-2022 гг., в % к тому же кварталу предыдущего года [15; 16].

экономическим ростом за счёт преимуществ от разнообразия и эффекта масштаба [12].

Однако следствием сверхконцентрации и сверхплотности при отсутствии городского планирования становятся объективные инфраструктурные и экологические ограничения механизма агломерирования.

Агломерацию следует рассматривать как естественный, объективно идущий процесс, место концентрации населения и разнообразия. В подавляющем большинстве агломерации представляют собой интегрированные группы муниципалитетов, окружающих центральные города, которые имеют координирующие органы управления и городского территориального планирования в размерах всей агломерации, действующие в целях достижения консенсуса всех участников. Только на условиях компромиссов, консенсуса и разумного территориального планирования агломерация может развиваться с меньшими издержками и с большими позитивными эффектами [11].

В постиндустриальном этапе это означает гораздо меньшую привязку персонала к рабочему месту с большими возможностями дистанционной формы взаи-

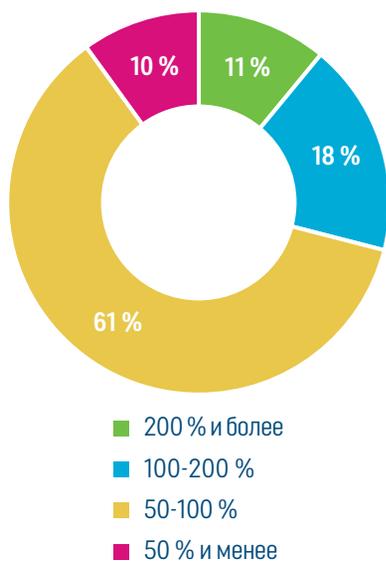

Рис. 4. Население РФ в экономическом пространстве в 2022 году [15; 16].

Рис. 5. Механизм экономического агломерирования: концентрация и разнообразие.

модействия. В России ещё на ранней стадии находится процесс субурбанизации – перетока населения из загрязнённых, плотно заселённых, менее комфортных центров городов в ближнюю периферию.

Следующими факторами выступают обеспеченность ресурсами при востребованности данных ресурсов рынком и выгоды или издержки географического положения. Экономическая жизнь вблизи агломераций и главных торговых путей, транспортных коридоров складывается наиболее динамично.

Исследования политэкономических систем, развития мирового хозяйства свидетельствуют о том, что страны, прилегающие к наиболее экономически развитым территориям, очень эффективно используют это соседство. Примером преимуществ приграничного положения выступает «макиладорас» – зоны на северной границе Мексики, представляющие территории инвестирования и дешёвой рабочей силы с увеличением прибыли и сокращением издержек производства. С середины 1990-х годов в регионах Центральной и Восточной Европы западная территория активно получала инвестиции от стран «старых ЕС», что приводило к сокращению издержек и увеличению прибыльности компаний [13].

Отмечается сходство пространственных трендов России со странами догоняющего развития: лидерами экономического роста выступают столичные агломерации на основе чистого агломерационного эффекта. Ресурсно-экспортные регионы – за счёт работы фактора обеспеченности ре-

сурсами; приморские регионы юга и запада страны имеют выходы на глобальные рынки; отдельные регионы вблизи Москвы – на основе преимуществ своего географического положения.

Для экономики страны концентрация в зонах конкурентных преимуществ выступает позитивным трендом быстрого роста экономики, а для социального развития – негативным, усиливая неравенство возможностей. Когда нарастает экономическое неравенство, риски для социального неравенства также возрастают, так как это чувствительно для населения территории. Социальное неравенство, по сути, представляет собой разрывы развития человеческого капитала.

Мягкая политика смягчения

Обращаясь к зарубежному опыту, дадим оценку в терминах «неравенства» развитым и развивающимся (догоняющего развития) странам. В региональной политике стран догоняющего развития базовой тенденцией является опора на более сильные регионы для ускоренного роста всей страны. Здесь больше внимания уделяют развитию «точек роста», делая ставку на территории с конкурентными преимуществами, крупные агломерации, особые экономические зоны, приграничные зоны.

К территориям – лидерам роста относятся: крупные агломерации, где экономика модернизируется быстрыми темпами; территории с ранними инновационными отраслями (на примере развития машиностроения и компьютерных технологий в Индии); тер-

ритории с выгодным экономико-географическим положением (на примере прибрежных территорий Китая); территории стимулирования добычи ресурсов (на примере африканской экономики с издержками вывоза прибыли) [21].

В результате политики опоры на относительно конкурентоспособные территории развития агломерационных зон, особых зон, приграничных зон сотрудничества и т.п., как правило, превосходит рост регионального неравенства.

Пространственные эффекты при моделировании темпов экономического роста регионов Китая были показаны в работах ряда китайских ученых [Tian et al. 2010; Ying 2003; Yu, Wei 2008]. Так, с 1980-х годов в КНР отмечается приоритетное развитие территорий с конкурентными преимуществами, что способствовало наибольшему росту миграционного притока в восточные регионы страны, а именно – дешевой трудолюбивой рабочей силы в прибрежные территории страны, увеличению экономической плотности и ВРП по провинциям на востоке страны, и как следствие – к росту пространственного неравенства с дифференциацией экономического развития в масштабах страны по четырем типам.

Территории новой индустриализации – с огромным количеством производств, основанных на привлечении зарубежных технологий и представляющих собой по сути «фабрику – сборочную всего мира».

Территории диффузий роста – соседствующие территории для распространения прибрежного экономического роста.

Старопромышленные территории – регионы с советским типом индустриализации, специализирующиеся на металлургии и угольной промышленности.

Слаборазвитые регионы – остальные регионы приграничного сухопутного освоения со специ-

Социальное неравенство, по сути, представляет собой разрывы развития человеческого капитала

ализацией на добыче ресурсов и имеющие этнические проблемы.

В ответ на риски новой экономической реальности современная политика смягчения региональных различий в Китае включает сочетание абсолютно разнобразных направлений политики трансформации для разных типов территорий с ориентиром не на эффективные специализации отраслевого развития регионов, а на таргетированные принципы и направления, по которым будет стимулироваться развитие для каждого типа территории.

Для прибрежных территорий «фабрики мира» с высоким устойчивым экономическим ростом предполагаются интеграционные модели, городские агломерации производства товаров и услуг с более высокой, чем сейчас, добавленной стоимостью.

Для депрессивных северо-восточных территорий запланирована политика реструктуризации тяжёлой промышленности советского типа и неконкурентоспособного госсектора, рост открытости экономики и приток иностранных инвестиций, формирование динамичного частного бизнеса для реформирования структуры экономики, что позволят снизить безработицу.

Для слаборазвитого Западного Китая с крупными городами на границе с Казахстаном и другими странами Средней Азии делается ставка на освоение природных ресурсов: добычу нефти, развитие инфраструктуры, прежде всего, массовое дорожное строительство, содействие урбанизации для стягивания населения в «точки роста», стимулирование внутреннего спроса и потребления, развитие частного сектора.

В экономически развитых странах, на примере стран Европейского Союза, доминирует тренд выравнивания межрегиональных диспропорций через перераспределение и активизацию внутренних ресурсов развития отстающих регионов. В исследованиях [Arbia et al. 2002; Arbia, Piras 2005; Baumont et al. 2003; Le Gallo, Ertur 2019; Niebuhr 2001], посвящённых конвергенции темпов экономического роста ряда регионов Европы, выявлены положительные пространственные экстерналии.

Так, около половины всего бюджета ЕС составляют структурные фонды, выделяющие средства для целей межрегионального выравнивания в рамках ЕС по принципу поддержки менее развитых регионов. В них инвестируются средства структурных фондов в проектно-режиме, путём поддержки малых и средних «точек роста» микро-территорий с конкурентными преимуществами – для последующего роста всего региона.

Регионы заявляют проекты для финансирования из структурных фондов ЕС. Результаты неоднозначны, тем не менее, такая смена парадигмы «от раздачи – до стимулирования» – значимая мера в гуманизации территориальной политики. Благодаря ускоренному развитию регионов, внутри стран удалось сократить межстрановые различия. Тем не менее, сокращение неравенства между странами в составе Евросоюза сопровождается увеличением межрегиональных различий внутри отдельных стран ЕС. Таким образом, конвергенция между странами ЕС происходит за счёт некоторой

дивергенции между регионами внутри отдельных стран ЕС, нуждающихся в централизованной поддержке.

Если региональная политика направлена на смягчение социального неравенства за счёт перераспределительной политики и получения ресурсов территориями с медленным развитием, появляется возможность поддерживать домашние хозяйства с более низкими доходами. Снижение дифференциации по доходам и бедности возможно в рамках таргетированной социальной политики государства, которая наиболее затратна в части администрирования, но адресная, а значит, более точная по отношению к населению определённой территории. Реализация такой политики предполагает целый ряд системных инновационных решений, способных трансформировать не только промышленный сектор и сферу услуг, но и административно-управленческую систему и ее технологии.

Прививка новизны

Базовая для российской экономики «центр-периферийная модель» объясняет существующие барьеры развития. «Центр» активно аккумулирует ресурсы периферий, однако процесс диффузии инноваций в России идёт очень медленно из-за сильного инфраструктурного и институционального неравенства на всех уровнях: как между федеральными городами и регионами, так и на внутрирегиональном уровне по линии «крупный город – периферия» [22; 23].

Долгое время национальную экономику отличало наличие строгих правил взаимодействия между хозяйствующими субъектами, что приводило не только к уменьшению их инновационной деятельности, но и затрудняло процесс установления новых рыночных отношений. Отсутствие информации осложняло поиск партнеров. Кроме того, основные звенья между субъектами в со-

ветский и ранний постсоветский период были межрегионального и межреспубликанского характера. Поддерживать данные связи становится крайне сложно, поэтому появилась настоятельная необходимость в организации и поддержании тесных экономических связей на региональном уровне [24; 25].

Современное понимание важности активного развития инновационной деятельности субъектов хозяйствования наиболее полно отражено в проекте Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2035 года, сформированном на основе прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 года в соответствии с Федеральным законом «О науке и государственной научно-технической политике». Данный проект определил приоритеты инновационного развития государства: развитие человеческого капитала и повышение инновационной активности бизнеса, продвижение инноваций в государственном секторе, в том числе увеличение объемов государственной поддержки инновационной деятельности.

В научной литературе расширенно толкуется термин «инновационная инфраструктура», который представляет собой совокупность как материальных, так и нематериальных элементов (кадры, бизнес-инкубаторы, кластеры, законодательство и пр.), создающих условия для ведения инновационной деятельности. Эти условия разделены на три группы: среда функционирования; институциональные структуры; организационные механизмы взаимодействия [22]. Тем не менее, концепция региональных инновационных систем, представляющая сочетание инноваций и пространственного развития региона, в настоящий период находится в процессе формирования, что выражается отсутствием общепринятых терминов и по-

ложений, несмотря на существенный объём публикаций СМИ по данному вопросу.

Обзор научных исследований, которые посвящены различным подходам к классификации региональных инновационных систем в западных странах, был представлен в работе «Patterns of Innovation in EU-25 Regions» [26], с выделением двух подходов к классификации пространственных инновационных систем.

Первый подход базируется на «кейсовых» исследованиях, а второй – на многомерном региональном анализе. В качестве предлагаемой классификации регионов и стран по группам предлагается применять глобальный рейтинг инновационного развития (*Global Innovation Index*). Классификация исследуемых стран по рейтингу GII, а также и по подушевому ВВП, в ценах паритетной покупательной способности, позволяет выделить три основных группы: инновационных лидеров (*leaders*), инновационных последователей (*learners*), а также группу отстающих (*underperformers*).

Россия по итогам 2020 года находится в третьей группе, имея динамику к смещению во вторую группу. Страны-члены БРИКС, такие как Китай и Индия, находятся во второй группе, а Бразилия – на границе третьей и второй групп [27].

В качестве референтных стран предлагается выбрать следующие: Польша и Бразилия – страны, входящие в третью группу, Италия, Испания, Франция и Япония – вторая группа, США, Швейцария, Великобритания, Германия – страны-лидеры. В дальнейших расчётах применялась статистика, находящаяся в свободном доступе по данным странам, представленная на сайтах Международного валютного фонда, международного агентства Томсон Рейтерс, Всемирной организации интеллектуальной собственности, Организации Объединённых Наций по промышленному

развитию (ЮНИДО), Института статистики ЮНЕСКО, Евростата, Всемирного банка, Высшей школы экономики.

В качестве ориентиров для установления ключевых показателей предлагается рассматривать ведущие в инновационном отношении страны мира, определяемые на основе данных глобального инновационного рейтинга ГИ-2020. В соответствии с указанным рейтингом, первые три места занимают – Швейцария, Великобритания, Швеция. США находится на 6-м месте, ведущая европейская страна Германия – на 13-м месте. Данные страны используются далее в сравнительном анализе как референтные. В 2020 году Россия занимала 43 место, находясь на границе групп «начинающие инноваторы» и «отстающие инноваторы».

Анализ данного рейтинга выявил, что Россия по ряду основных показателей инновационной деятельности отстает в несколько раз. Например, по выпуску высокотехнологичной продукции наша страна набрала 33 балла из 100 возможных, в Швейцарии – это 90 баллов, в США – 61 балл, в Германии – 76, то есть отставание от страны-лидера – в три раза, а от ведущих стран примерно в два раза.

Кластер как кейстер

Рассмотрим уровень научной и инновационной активности предприятий и организаций РФ (Табл. 2).

Мы видим, что имея цель не просто догнать, но и развиваться на том же уровне, что и передовые инновационные страны мира, исходя из степени научной и инновационной активности предприятий и организаций в федеральных округах РФ в 2020 году, в ближайшие годы отдельным российским регионам необходимо как минимум в два раза увеличить ряд целевых показателей, относящихся к инновационной сфере.

Процесс формирования модели инновационного развития

Таблица 2 – Уровень научной и инновационной активности предприятий и организаций РФ в 2020 году, ед. [15; 16]

Наименование федерального округа	Количество организаций, ед.		Уровень инновационной активности, %
	вып. НИОКР	осуществл. инновации	
РФ	4 175	11 408	9,6
Центральный	1 579	3 419	12,5
Северо-Западный	514	1 253	10,8
Южный	329	948	8,0
Северо-Кавказский	147	231	3,5
Приволжский	690	2 813	15,5
Уральский	262	987	10,2
Сибирский	419	1 235	9,8
Дальневосточный	235	522	6,9

федерального округа должен включать ряд важных этапов: формирование групп регионов; определение типичных особенностей каждой группы; выделение лидеров в группе; анализ поведения лидеров; формирование модели для того или иного региона.

Оценку уровня научной и инновационной активности предприятий и организаций РФ можно провести на основе ряда ключевых показателей в числе которых: показатели технологического развития (доля затрат на инновационные технологии, объем инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции, интенсивность затрат на инновационные технологии); доля занятых в высокотехнологичных сферах внешнеэкономической деятельности.

С точки зрения управленческой модели и совершенствования административно-управленческих технологий одним из средств достижения высоких значений указанных показателей является инновационный территориальный кластер, учитывающий специфику того или иного региона.

Предполагая, что у крупных и средних промышленных предприятий, включая те, что имеют государственную форму собственности, цели прикладных научных исследований и разработок должны в основе своей совпадать с целями и задачами университетов и отраслевых институтов, их в совокупности можно рассматривать в качестве катали-

заторов кластерных инновационных процессов. Такой союз – при эффективном его администрировании и современном коммуникационном сопровождении – призван обеспечить регион способностью концентрировать финансовые ресурсы, трудоустраивать талантливую молодежь, обладающую компетенциями инноваторов, стимулировать трансфер технологий, преодолевать разрывы между исследованиями и коммерчески успешными продажами инновационного продукта или внедрением инновационной технологии в существующее производство.

Важнейшим фактором здесь выступает информационная и кадровая поддержка, которая предполагает создание бизнес-катализатора, ответственного за ведение баз данных о научных компетенциях, инновационных проектах, инновационных предприятиях и запросах на нововведения от предприятий, а также за проведение мероприятий инновационной направленности – венчурных кафе, школ бизнес-моделирования, хакатонов и др. Кадровая поддержка предполагает создание единого набора образовательных программ (в том числе межпредметных) разной продолжительности, формата проведения и с ориентацией на разные уровни компетенций, обеспечивающего потребности региона в кадрах, необходимых для стимулирования инновационных процессов. ■

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

- [1] Фишман Л.Г., Мартыанов В.С., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 416 с.
- [2] Норт Д.К. Понимание процесса экономических изменений / пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана; Государственный университет «Высшая школа экономики». М.: Издательский дом Государственного университета «Высшая школа экономики», 2010. 256 с.
- [3] Fujita M. (2012). Thünen and the New Economic Geography, *Regional Science and Urban Economics*, vol. 42, pp. 907–912.
- [4] Krugman P. (1998). What's New about the New Economic Geography? *Oxford Review of Economic Policy*, vol. 14, no. 2, pp. 7–17.
- [5] Venables A.J. (1996). Equilibrium Locations of Vertically Linked Industries, *International Economic Review*, vol. 37, no. 2, pp. 341–359.
- [6] Захарова Е.А., Давыдов Д.В. Новая экономическая география в объяснении пространственного развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 9–20.
- [7] Friedmann J. (1966). *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*. MIT Press. 279 p.
- [8] Федоров Г.М., Катровский А.П., Лачининский С.С. Экономическая безопасность регионов Западного побережья России. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2021. 232 с.
- [9] Дмитриев Р.В., Горохов С.А. Системы центральных мест: континуальное развитие на ранних этапах // Пространственная экономика. 2022. Т. 18. № 2. С. 38–55.
- [10] Данилова И.В., Савельева И.П., Резепин А.В. Влияние межтерриториальной связанности на развитие экономического пространства регионов // Экономика региона. 2022. Т. 18. № 1. С. 31–48.
- [11] Антонов Е.В., Куричев Н.К., Трейвиш А.И. Исследования городской системы и агломераций в России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2022. Т. 86. № 3. С. 310–331.
- [12] Трейвиш А.И., Нефедова Т.Г. Столичность, центральность, разрывы и соперничество городов в мире и в России // Геоурбанистика и градостроительство: теоретические и прикладные исследования: Сборник статей / Отв. ред. А. Г. Махрова. М.: Географический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 2021. С. 49–71.
- [13] Демидова О., Камалова Э. Пространственно-эконометрическое моделирование экономического роста российских регионов: имеют ли значение институты? // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 2. С. 34–59.
- [14] Зубаревич Н.В. Возможности и ограничения количественной оценки факторов экономического развития российских регионов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 2 (46). С. 158–167.
- [15] Материалы Росстата. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 25.12.2022).
- [16] Материалы Информационно-аналитической платформы «Ситуационного центра социально-экономического развития регионов Российской Федерации». URL: <https://regstat.rea.ru> (дата обращения: 25.12.2022).
- [17] Аверкиева К.В., Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Глезер О.Б., Пугачева М.Г., Смирнов С.Н., Трейвиш А.И. Дискуссия по докладу Т.Г. Нефедовой «Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности в староосвоенных регионах центра России» // Крестьяноведение. 2021. Т. 6. № 1. С. 154–169.
- [18] Нефедова Т.Г., Стрелецкий В.Н., Трейвиш А.И. Поляризация социально-экономического пространства современной России: причины, направления и последствия // Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92. № 6. С. 551–563.
- [19] Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И., Шелудков А.В. Полимасштабный подход к выявлению пространственного неравенства в России как стимула и тормоза развития // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2022. Т. 86. № 3. С. 289–309.
- [20] Зубаревич Н.В. Регионы России в период пандемии: социально-экономическая динамика и доходы бюджетов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 3 (51). С. 208–218.
- [21] Сдасюк Г.В. Индия: актуальные экономические и социально-экологические проблемы географии развития // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2021. Т. 85. № 6. С. 842–856.
- [22] Абрамова М.А., Алексеев А.И., Андрианов В.Д. Российская социально-экономическая система: реалии и векторы развития. Изд. 4-е, перераб. и доп. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2021. 596 с.
- [23] Синцеров Л.М., Стрелецкий В.Н., Трейвиш А.И. Ю.Г. Липец и ответственная социально-экономическая география // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2021. Т. 85. № 4. С. 607–615.
- [24] Окунев И.Ю., Шестакова М.Н. Политическая география: Современная российская школа: Хрестоматия. М.: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Аспект Пресс», 2022. 544 с.
- [25] Данилова И.В., Резепин А.В. Пространственные экономические системы: методология и теоретические подходы к исследованию // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 7-1. С. 24–32.
- [26] Navarro M., Gibaja J., Bilbao-Osorio B., Aguado R. (2009). Patterns of Innovation in EU-25 Regions: a Typology and Policy Recommendations, *Government and Policy*, vol. 27, no. 5, pp. 815–840.
- [27] Наука и технологии. Глобальный инновационный индекс // НИИ ВШЭ. Институт статистических исследований. URL: <https://issek.hse.ru/news/396120793.html> (дата обращения: 25.12.2022).

ASSESSMENT OF REGIONAL INEQUALITY AND WAYS TO OVERCOME IT IN THE NEW ECONOMIC REALITY

AUTHORS' INFORMATION:

Kristina Yu. Konovalova

Plekahnov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russia)

✉ kris89.11@yandex.ru

KEYWORDS:

regions, "center-periphery" model, industrial manufacturing, developed countries, developing countries, agglomeration, convergence, divergence, innovative territorial clusters.

FOR CITATION:

Konovalova K.Yu. (2022). Assessment of regional inequality and ways to overcome it in the new economic reality, *Municipality: Economics and Management*, no. 4, pp. 53–63.

ABSTRACT:

The aim of the study is to characterize regional inequality in order to determine risk factors and development of regions, as well as patterns of changes in regional inequality. The basic premise of the study is the presence of the influence of various clear objective grounds for spatial inequality, laid down by long periods of development. The study of these factors within the framework of the new economic geography will make it possible to update the directions of regional policy aimed at developing human capital, modernizing institutions and infrastructure.

Based on the analysis of the Russian industry in the regional context, the parameters of the country's spatial inequality were identified and evaluated. In particular, the dilemma of the state regional policy is analyzed, which consists, on the one hand, in accelerating the development of the country through the priority development of regions with competitive advantages, and on the other hand, in the need to combat the growth of regional inequality within the country.

The article is devoted to the study of foreign experience in the economic development of the country's territories. The article analyzes the factors of uneven territorial development, considers the practical application of the space development model of J. Friedman

"center - periphery". An assessment is made of modern trends in the alignment of interregional disproportions.

The scientific novelty lies in the generalization of the existing provisions, the achieved scientific results of the study of the patterns of changes in regional inequality. As one of the methods for mitigating inequality in the Russian Federation, it is proposed to use the possibilities of emerging regional innovation systems based on the concept of a unified system of the region, which includes the development of both innovation and the space of the region as a whole. The article contains a methodical approach to the analysis of the competitiveness of the region in the innovation sphere based on the assessment of the level of scientific and innovative activity of enterprises and organizations of the Russian Federation. In this context, recommendations are proposed to mitigate regional inequality, allowing to take into account the specifics of Russian regions.

REFERENCES:

- [1] Fishman L.G., Martyanov V.S., Davydov D.A. (2019). *Renth society: in the shadow of labor, capital and democracy*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 416 p.
- [2] North D.K. (2010). *Understanding the process of economic changes*. Moscow: Publishing House of State University "Higher School of Economics". 256 p.
- [3] Fujita M. (2012). Thünen and the New Economic Geography, *Regional Science and Urban Economics*, vol. 42, pp. 907–912.
- [4] Krugman P. (1998). What's New about the New Economic Geography? *Oxford Review of Economic Policy*, vol. 14, no. 2, pp. 7–17.
- [5] Venables A.J. (1996). Equilibrium Locations of Vertically Linked Industries, *International Economic Review*, vol. 37, no. 2, pp. 341–359.
- [6] Zakharova E.A., Davydov D.V. (2022). New economic geography in explaining spatial development, *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 6 (464), pp. 9–20.
- [7] Friedmann J. (1966). *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*. MIT Press. 279 p.
- [8] Fedorov G.M., Katrovsky A.P., Lachininsky S.S. (2021). *Economic security of the regions of the Western leading of Russia*. Kaliningrad: Baltic Federal University named after Immanuel Kant. 232 p.
- [9] Dmitriev R.V., Gorokhov S.A. (2022). Systems of central places: Continual development in the early stages, *Spatial Economics*, vol. 18, no. 2, pp. 38–55.
- [10] Danilova I.V., Savelyeva I.P., Rezepin A.V. (2022). The impact of interterritorial association on the development of the economic space of the regions, *Economics of the region*, vol. 18, no. 1, pp. 31–48.
- [11] Antonov E.V., Kurichev N.K., Treivish A.I. (2022). Studies of the city system and agglomerations in Russia, *News of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series*, vol. 86, no. 3, pp. 310–331.
- [12] Treivish A.I., Nefedova T.G. (2021). Capital, centrality, size and rivalry of cities in the world and in Russia. In: Makhrov A.G. (ed.). *Georbanics and urban planning: theoretical and applied research*.

- Moscow: Geographical Faculty of Lomonosov Moscow State University. Pp. 49–71.
- [13] Demidova O., Kamalova E. (2021). Spatial-econometric modeling of the economic growth of Russian regions: do institutions have importance? *Economic policy*, vol. 16, no. 2, pp. 34–59.
- [14] Zubarevich N.V. (2020). The possibilities and limitations of the quantitative assessment of the factors of the economic development of Russian regions, *Journal of the New Economic Association*, no. 2 (46), pp. 158–167.
- [15] Materials of Rosstat. Regions of Russia. Socio-economic indicators. URL: <https://rosstat.gov.ru> (accessed 25.12.2022).
- [16] Materials of the information and analytical platform “Situational Center for Socio-Economic Development of the Regions of the Russian Federation”. URL: <https://regstat.rea.ru> (accessed 25.12.2022).
- [17] Averkieva K.V., Nefedova T.G., Pokrovsky N.E., Glezer O.B., Pugacheva M.G., Smirnov S.N., Treivish A.I. (2021). Discussion according to the report of T. G. Nefedova “Polarization of the socio-economic space and prospects for rural areas in the old-based regions of the Center of Russia”, *Peasant Studies*, vol. 6, no. 1, pp. 154–169.
- [18] Nefedova T.G., Streletsky V.N., Treivish A.I. (2022). Polarization of the socio-economic space of modern Russia: causes, directions and consequences, *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, vol. 92, no. 6, pp. 551–563.
- [19] Nefedova T.G., Treivish A.I., Sheludkov A.V. (2022). A polynetical approach to the identification of spatial inequality in Russia as an incentive and development brakes, *News of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series*, vol. 86, no. 3, pp. 289–309.
- [20] Zubarevich N.V. (2021). The regions of Russia during the pandemic period: socio-economic dynamics and budget revenues, *Journal of the New Economic Association*, no. 3 (51), pp. 208–218.
- [21] Sdsayuk G.V. (2021). India: Actual economic and socio-ecological problems of development geography, *News of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series*, vol. 85, no. 6, pp. 842–856.
- [22] Abramova M.A., Alekseev A.I., Andrianov V.D. (2021). Russian socio-economic system: realities and development vectors (4th ed.). Moscow: Scientific and Publishing Center “INFRA-M” LLC. 596 p.
- [23] Sintserov L.M., Streletsky V.N., Treivish A.I. (2021). Yu.G. Lipets and domestic socio-economic geography, *News of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series*, vol. 85, no. 4, pp. 607–615.
- [24] Okunev I.Yu., Shestakova M.N. (2022). Political geography: Modern Russian School. Moscow: Publishing House “Aspect Press” LLC. 544 p.
- [25] Danilova I.V., Rezepin A.V. (2021). Spatial economic systems: methodology and theoretical approaches to research, *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, no. 7-1, pp. 24–32.
- [26] Navarro M., Gibaja J., Bilbao-Osorio B., Aguado R. (2009). Patterns of Innovation in EU-25 Regions: a Typology and Policy Recommendations, *Government and Policy*, vol. 27, no. 5, pp. 815–840.
- [27] Science and technology. Global innovative index. HSE. Institute of Statistical Research. URL: <https://issek.hse.ru/news/396120793.html> (accessed 25.12.2022).